

**Я встретила
с Гарри Гродбергом
(с которым мы знакомы
45 лет!) в тот
счастливый день,
8 октября, когда он
только что отыграл
свой сольный концерт
в Зале Чайковского,
закрывая новый
фестиваль Московской
филармонии "Таланты
России". И это был,
конечно, Бах, и был,
конечно, аншлаг
и восторженный прием
публики и море цветов,
брошенных к ногам
виртуоза-органиста
с мировым именем.**

**Гарри
ГРОДБЕРГ:**

Взлет клуб, - 1995 - 18 окт. - 67

Итог каждого моего концерта — абсолютно мокрый фрак

— Итак, Гарри, вы закрыли фестиваль "Таланты России" и открыли свой новый концертный сезон.

— На сей раз я открываю свой сезон в октябре довольно оригинально — "закрытиями" трех фестивалей: не только в Москве, но и в Твери ("Осеннее ожерелье"), и в Калининграде.

— Значит, Гродберг у нас — фигура ритуальная?

— А вот мне пишут слушатели в записке: "Вы, наверное, святой..." (хохочет). А вот еще: "Вы гипнотизер, подобный Кашиповскому. У вас очень большое энергетическое поле". Такой комплимент мне сделали в Санкт-Петербурге, в Большом зале филармонии, где я играю каждый сезон.

— Но и в самом деле, есть что-то сверхъестественное в том, что 40 лет подряд, давая десятки концертов в той же Москве, вы удерживаете в своем "артистическом поле" такую массу слушателей, которая — даже при нынешней сложной для классической музыки ситуации — нисколько не убывает. Напротив... Вы — супермен, Гарри Гродберг? Вы упиваетесь властью над людьми?

— Должен сказать: концертирующий органист находится в специфических условиях. Он отгорожен от публики. Его импульсы затруднены. И нужно действительно иметь суперсилу, чтобы вести за собой большую зал, заполненный до отказа, чтобы тобой были зачарованы. Такой власти над слушателями я добился. Разумеется, произведе-

сти впечатление на очень большое число людей можно только организовывая полностью все свое биополе, всю свою энергию и нервную систему, играя с полной самоотдачей, на пределе своих возможностей. К тому же, вспомните, игра на органе — еще просто тяжелая физическая работа: играют и руки, и ноги одновременно.

— Откуда же ресурсы энергии?

— По-видимому, это некое индивидуальное свойство моего музыкального организма. Однако ничто не возможно без участия моих "партнеров", то есть — публики. Я ведь на репетициях — если честно — не умею играть совсем. Полноценно, полнокровно могу играть только на концерте, когда выхожу на эстраду, вижу переполненный зал, сияющие лица, которые ждут меня... Только тогда рождается это чудо, которое называется концертом. Его рождение связано с таинством, которое мы сами до конца не понимаем, по-видимому.

— Но, кроме энергии и физической силы, нужны еще огромные ресурсы эмоций и воображения, чтобы грандиозные творения для органа Баха — те же прелюдии и фуги, фантазии, токкаты, гениальная Пассакалья — звучали как-то по-новому и захватывающе современно.

— Это огромная проблема — не дать себя заразить бациллой рутины! Я счастлив, если мне удастся сохранить эту свежесть восприятия, любовь к музыке и страстное же-

лание исполнить ее с максимальной жизненной силой. Эти моменты как-то очень омолаживают меня и составляют главное содержание моей жизни.

— А не думаете ли вы, что некоторые приходят на ваши концерты не только ради музыки органной, но и ради того, чтобы убедиться: что-то незыблемое в нашей жизни сохраняется. Если Гродберг выходит на эстраду такой же торжественный и яркий, с вечно пышной и черной, как смоль, шевелюрой, и играет так же духоподъемно — значит жизнь наша еще ого-го-го!

— С одной стороны, меня радует, если на меня смотрят как на хранителя каких-то незыблемых академических московских традиций. С другой, мне иногда становится страшно, когда я смотрю вокруг себя и вижу, что практически все мои коллеги исчезли. Большинство из них живет за границей или работает там по контракту. А сколько было мне звонков от неизвестных людей, которые говорили: "Ради Бога, не уезжайте!" Или спрашивали настороженно: "Это не последний ваш концерт?"

— Но пишут же и противоположное: "Почему вы не уезжаете?" Или еще более откровенно: "Уехал бы ты лучше".

— А я им отвечаю очень просто. Да, я не уезжаю потому, что я вас люблю. Я не могу бросить мою публику, мои инструменты...

— За которые вы боро-

лись, которые экспертировали и открывали в десятках городов, работая в знаменитом и, можно сказать теперь, героическом Органном совете при Министерстве культуры.

— Да можно сказать, каждые шесть из десяти органов, воздвигнутых в шестидесяти городах страны за 30 лет, открывал я. Во всех крупных сибирских городах — Омске, Томске, Кемерово, Барнауле, в залах и соборах южных городов — Днепрпетровске, Харькове, Сочи, Кисловодске, в моих любимых городах Калининграде и Твери... Я чувствую себя садовником, взрастившим свой сад.

— Случай небывалый в истории: на глазах одного поколения была создана по существу новая европейская органная цивилизация!

— А первой ласточкой был замечательный московский орган чешской фирмы "Ригер-Клосс", установленный в Зале Чайковского в 1959 году.

— Скажите для любопытных читателей — сколько в нем тысяч труб?

— 9 тысяч труб, 81 регистр, четыре клавиатуры... Это мое любимое детище. К счастью, в Зале Чайковского поддерживается такой режим эксплуатации, который гарантирует качественное состояние инструмента.

— Но ходят слухи о грозящем и ему капитальном ремонте.

— Конечно, любой орган можно улучшить. Тем более большой орган, в котором всегда что-то происходит. Но у нас, в России, к сожалению, знаете как? Если течет крыша или что-то неладно с отоплением, готовы все ломать и капитально обновлять. А с затратами можно и не считать. Но, к сожалению, капитальные ремонты органов, да еще с элементами реставрации, частенько приводят к негативному результату. Так было и в Домском соборе в Риге, и в Большом зале Московской консерватории, и даже в Кафедральном соборе Загреба.

— Недавно вы вернулись из длительных гастролей по Германии. Было ли что-нибудь примечательное?

— Самое примечательное — на этих концертах появились наши соотечественники, которые слышали меня раньше в России — 10, 15 лет назад. За последние 8 лет я объездил с гастролями практически все регионы Германии, где меня знают и прекрасно встречают. Как известно, в этой стране многие хорошие органы стоят в небольших городах. Я играл и на трех известных органах Гамбурга, и на только что установленном небольшом органе в Винтерберге, в курортном Зауэрланде. Это такая "маленькая Швейцария", где лучший в Германии лыжный трамплин. Такое было впервые в Германии — мне доверили открыть орган после освящения его церковным пастором... Еще

играл в Висбадене знаменитом, столице земли Гессен, где любили бывать Тургенев и Достоевский. Там есть большое русское кладбище. Видели мы в казино курзала местную достопримечательность — столик Достоевского. Мне довелось играть в областном центре Оснабрюк — там в XVI веке был заключен мир после Тридцатилетней войны. На замечательном органе в церкви св. Кaterины Оснабрюка я играл во второй раз в жизни. И снова приглашен, к моей радости. А для русского органиста играть в третий раз на каком-либо немецком органе — большой успех. Атмосфера органных концертов в Германии специфическая. Органы стоят в действующих соборах. Органист публику не видит. Аплодисменты в середине концерта не допускаются. Между прочим, в Винтерберге я свершил некую революцию: впервые на органном концерте публика после концерта встала и стоя мне аплодировала — случай для органных концертов в Германии беспрецедентный.

— Скажите, Гарри, где же сейчас главный центр органного искусства в Европе?

— Скажу однозначно — в России.

— Неужели?

— Я сужу по тому интересу, который проявляется к органному искусству. Ведь это главный критерий. Где больше всего любят и ценят органное искусство? Конечно, в России. Да и органы наши в массе своей лучше ухожены, поскольку церковные органы на Западе настраиваются от случая к случаю, главным образом в канун церковных праздников. Мне завидуют мои западные коллеги, я серьезно.

— То, что вы говорите, можно назвать сенсацией.

— Да-да, безусловно, это так. Стоит только представить себе: больших органных концертов, подобных нашим, российским, в Германии почти не бывает. В церковь же обычно ходит не очень много народу. Инструменты далеко не всегда хорошо настроены. Это легенда, что там — замечательные органы.

— Гарри, вы пользуетесь большим успехом у слушателей, в том числе, конечно же, успехом у ваших поклонниц. Как же вы умудрились оказаться только однажды женатым?

— Наверное, я одиолоб. Мы с Наташей женаты 35 лет. Жизнь была трудна. А нас всегда объединяла общая деятельность, общее любимое дело. С 1960 года Наташа — мой ассистент, единственный и бесценный помощник, незаменимый друг и сподвижник. С годами наша привязанность друг к другу, мне кажется, только усиливается.

— А как и чем спасает вас Наташа от стрессов? Как приводит она вас в чувство, например, в антракте между отделениями концерта?

— Она меняет мне рубашку. После игры на мне всегда абсолютно мокрая рубашка и абсолютно мокрый фрак.

— Валерианку пьете?

— Ни в коем случае. Пью чай средней крепости.

— И это весь ваш допинг?

— Допинг для меня сама музыка, концерт. Меня возбуждают публика, звуки, сцена, зал. Поэтому я не боюсь публики, я люблю ее.

Беседовала
Тамара
ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.